

Имя ученого-курортолога и физиотерапевта доктора Моисея Самойловича Беленького было хорошо известно нескольким поколениям одесситов, да и многим другим людям, проживавшим далеко от Одессы, в разных городах и республиках.

Родился Моисей Самойлович в очень дружной многодетной еврейской семье в селе Германовка на Киевщине в мае 1892 года. У него были шесть братьев и две сестры, из которых одна была сводная. Мама его умерла от воспаления легких в 1905 году. Его отец Самуил Еремеевич был агрономом, человеком энергичным, деловым и вполне светским. Он высоко ценил в людях активность, любознательность и образованность.

В результате полученного воспитания и, несомненно, личных способностей Моисей Самойлович на всю жизнь сохранил любовь к слову, рисованию, к художественной фотографии и лошадам. Рисовальщик он был вполне профессиональный. Наконец, Самуил Еремеевич дал всем детям высшее образование, причем трем старшим сыновьям — за границей.

Герой нашего очерка окончил Киевский университет в июле 1916 года. (Это был последний дореволюционный выпуск.) В его дипломе записано: "...утвержден в степени лекаря с отличием". После окончания ему были сделаны три предложения работы: в детской клинике (профессор Румянцев), в хирургической клинике (профессор Дитерихс) и на кафедре глазных болезней (профессор Шиманский). От всех соблазнительных предложений он отказался, так как стремился на фронт, в действующую армию. Два его старших брата уже воевали. Тогда в армию призвали всех выпускников университета, годных к военной службе. Однако медицинская комиссия, обнаружив у Моисея Самойловича порок сердца, отсрочила его призыв на год. Но он торопился. Война вступила в третий год. Ведь она не может долго длиться! Вот что он записал в своем дневнике: "Я должен быть на фронте, должен испытать войну. Если война закончится, а я эти годы проведу в тылу, я потом не прощу себе этого никогда. Мне будет стыдно потом признаться, что я избегал участия в войне..."

27 июля он отправился в отдел формирования для Юго-Западного фронта передовых хирургических отрядов специального назначения. Такие отряды должны были как можно раньше подбирать на поле боя раненых в живот и череп, с тем чтобы не позже, чем через 4-5 часов, подвергнуть их операции. Только в таких случаях можно было рассчитывать тогда на спасение раненого. В отделе он подал заявление о зачислении добровольцем в действующую армию. После продолжительной беседы ему сказали: "Вы нам подходите. Мы зачисляем вас в передовой хирургический отряд при Первой Заамурской дивизии, которая сейчас ведет бои в районе Черновцов".

После февральской революции в армии начался развал, но бюрократическая машина продолжала работать, и врач М.С. Беленький был отозван с фронта в Киев в связи с истечением отсрочки от военного призыва. Там его ожидало направление в распоряжение санчасти Румынского фронта. Внезапно в судьбу доктора вмешалась болезнь, и только после двухмесячного пребывания в больнице, ближе к осени, Моисей Самойлович приехал в Одессу, где располагалось управление упомянутой санчасти. С вокзала он двинулся к коменданту города (Преображенская, 18). В комендантуре ему дали направление в общежитие младшего офицерского состава, которое находилось в помещении кофейни Амбарзакки (Греческая угол Преображенской). В управлении санчасти (Херсонская, 60) его зарегистрировали и приказали ждать особое распоряжение.

Таким образом, молодой доктор на новом месте оказался обладателем свободного времени. И он его использовал для знакомства с городом, его достопримечательностями, магазинами, его доброжелательными жителями — людьми многих национальностей, его окрестностями и пригородами и, конечно же, с морем. Особенно его заинтересовали лиманы — Куяльницкий и Хаджибеевский. Он даже начал изучать

литературу по лимановедению и грязелечению.

В то же время у него начали появляться знакомства среди коллег. Произошло это благодаря одесскому родственнику — кузену отца будущему профессору литературы К.Б. Бархину. Сперва — с главным врачом Еврейской больницы К.Б. Пурицем и его супругой, крупным хирургом профессором Я.В. Зильбербергом и невропатологом профессором С.С. Налбандовым. В общем, в Одессе все было для него уютно и привлекательно.

Октябрьские события докатились до Одессы во второй половине ноября. И в связи с полной переменой власти надо было думать о работе. Иногда удавалось дежурить в аптеках и временно работать на "скорой помощи". Наконец, удалось получить работу ординатора в сыпнотифозном госпитале, находившемся на территории бывшей Стурдзовской больницы. Тогда пребывание в Одессе еще казалось Моисею Самойловичу событием временным.

С конца 1917 года и до 8 февраля 1920 года Одесса пережила смутный период своей истории — много-

дробно рассказал в книге "Очерки по истории грязелечения в Одессе" (Одесса, 1959).

В 1928 году в Одессе был создан Украинский институт курортологии, куда Моисей Самойлович был приглашен на должность заведующего бальнеофизиотерапевтическим отделением (БФТО). Он руководил внутренним обустройством и оснащением современным импортным оборудованием корпуса БФТО известного Лермонтовского санатория. Этому предшествовала целевая командировка М.С. Беленького в Германию.

В 1931 году Моисей Самойлович организовал при Одесском институте совершенствования врачей кафедру физиотерапии и курортологии. Ею он руководил до 1953 года. Причина ухода с этой должности — перевод института в другой город.

В 1930 году произошло важное событие и в личной жизни ученого. Он женился на удивительно красивой девушке Лидии — дочери известных в Одессе врачей супругов Ландесман, в прошлом владельцев санатория, располагавшегося на морской стороне улицы Черноморской. Между молодоженами была большая

разница в возрасте — 18 лет. Тем не менее, брак этот оказался счастливым, и в нем родилась горячо любимая родителями дочь Лиля.

В 1939 году М.С. Беленький был избран заведующим клиникой Одесского НИИ курортологии, которую он возглавлял свыше 30 лет.

В период оккупации Одессы во время Великой Отечественной войны Моисей Самойлович вместе с семьей находился в эвакуации в Ташкенте. Там он консультировал в среднеазиатских госпиталях и одновременно заведовал клиникой в институте имени Н.А. Семашко. Вскоре после изгнания фашистов из Одессы Беленькие вернулись в свой город. Произошло это еще за год до окончания войны.

Мое знакомство с Моисеем Самойловичем Беленьким состоялось в далеком 1940 году. С моей стороны это слишком смелое, а возможно, даже наглое заявление. Поясню почему. Был я учеником второго класса, когда в школе появилась новенькая. Это была пухленькая светлокосая девушка с серыми глазами. От моих одноклассников она отличалась очень спокойным поведением и белым чтением. И еще: она часто пропускала школьные уроки из-за болезни. Звали ее Лиля. От меня она жила на расстоянии не более сотни шагов. Не помню, как это началось, но я зачастил к ней с передачами школьных заданий. Должен признаться, что подолгу у нее задерживался: причина — обилие интересных игрушек.

Возвращаясь к началу очерка, Моисей Самойлович был отозван с фронта в Киев в связи с истечением отсрочки от военного призыва. Там его ожидало направление в распоряжение санчасти Румынского фронта. Внезапно в судьбу доктора вмешалась болезнь, и только после двухмесячного пребывания в больнице, ближе к осени, Моисей Самойлович приехал в Одессу, где располагалось управление упомянутой санчасти. С вокзала он двинулся к коменданту города (Преображенская, 18). В комендантуре ему дали направление в общежитие младшего офицерского состава, которое находилось в помещении кофейни Амбарзакки (Греческая угол Преображенской). В управлении санчасти (Херсонская, 60) его зарегистрировали и приказали ждать особое распоряжение.

Таким образом, молодой доктор на новом месте оказался обладателем свободного времени. И он его использовал для знакомства с городом, его достопримечательностями, магазинами, его доброжелательными жителями — людьми многих национальностей, его окрестностями и пригородами и, конечно же, с морем. Особенно его заинтересовали лиманы — Куяльницкий и Хаджибеевский. Он даже начал изучать

литературу по лимановедению и грязелечению. В то же время у него начали появляться знакомства среди коллег. Произошло это благодаря одесскому родственнику — кузену отца будущему профессору литературы К.Б. Бархину. Сперва — с главным врачом Еврейской больницы К.Б. Пурицем и его супругой, крупным хирургом профессором Я.В. Зильбербергом и невропатологом профессором С.С. Налбандовым. В общем, в Одессе все было для него уютно и привлекательно. Октябрьские события докатились до Одессы во второй половине ноября. И в связи с полной переменой власти надо было думать о работе. Иногда удавалось дежурить в аптеках и временно работать на "скорой помощи". Наконец, удалось получить работу ординатора в сыпнотифозном госпитале, находившемся на территории бывшей Стурдзовской больницы. Тогда пребывание в Одессе еще казалось Моисею Самойловичу событием временным. С конца 1917 года и до 8 февраля 1920 года Одесса пережила смутный период своей истории — много-

дробно рассказал в книге "Очерки по истории грязелечения в Одессе" (Одесса, 1959). В 1928 году в Одессе был создан Украинский институт курортологии, куда Моисей Самойлович был приглашен на должность заведующего бальнеофизиотерапевтическим отделением (БФТО). Он руководил внутренним обустройством и оснащением современным импортным оборудованием корпуса БФТО известного Лермонтовского санатория. Этому предшествовала целевая командировка М.С. Беленького в Германию. В 1931 году Моисей Самойлович организовал при Одесском институте совершенствования врачей кафедру физиотерапии и курортологии. Ею он руководил до 1953 года. Причина ухода с этой должности — перевод института в другой город. В 1930 году произошло важное событие и в личной жизни ученого. Он женился на удивительно красивой девушке Лидии — дочери известных в Одессе врачей супругов Ландесман, в прошлом владельцев санатория, располагавшегося на морской стороне улицы Черноморской. Между молодоженами была большая

разница в возрасте — 18 лет. Тем не менее, брак этот оказался счастливым, и в нем родилась горячо любимая родителями дочь Лиля. В 1939 году М.С. Беленький был избран заведующим клиникой Одесского НИИ курортологии, которую он возглавлял свыше 30 лет. В период оккупации Одессы во время Великой Отечественной войны Моисей Самойлович вместе с семьей находился в эвакуации в Ташкенте. Там он консультировал в среднеазиатских госпиталях и одновременно заведовал клиникой в институте имени Н.А. Семашко. Вскоре после изгнания фашистов из Одессы Беленькие вернулись в свой город. Произошло это еще за год до окончания войны. Мое знакомство с Моисеем Самойловичем Беленьким состоялось в далеком 1940 году. С моей стороны это слишком смелое, а возможно, даже наглое заявление. Поясню почему. Был я учеником второго класса, когда в школе появилась новенькая. Это была пухленькая светлокосая девушка с серыми глазами. От моих одноклассников она отличалась очень спокойным поведением и белым чтением. И еще: она часто пропускала школьные уроки из-за болезни. Звали ее Лиля. От меня она жила на расстоянии не более сотни шагов. Не помню, как это началось, но я зачастил к ней с передачами школьных заданий. Должен признаться, что подолгу у нее задерживался: причина — обилие интересных игрушек.

Нетрудно догадаться, папа моей подружки и был Моисеем Самойловичем Беленьким. Мне он казался тогда каким-то неземным. Я не встречал ни в своей коммунальной квартире, ни в своем дворе, ни по дороге в школу и из школы людей, одетых, как он, причесанных, как он, с такими портфелями, как у него, с тростями, как у него. И вместе с тем он был очень доступным, контактным человеком. Он всегда при встрече заговаривал со мной и очень часто угощал конфетами. Со стороны могло показаться, что он знает меня давно, даже с рождения. Высшей наградой мне были его слова, сказанные дочери: "Вова — стоящий товарищ".

Владимир СЕРЕБРО КУРОРТОЛОГ

Беленького в одесской квартире, а вторая — в эвакуации в Ташкенте. Он же делал рисунки к своим медицинским книгам. Что же касается литературного творчества, то тяга к нему проявилась в герое очерка еще в детские годы. Работа над текстами в течение всей жизни была для него мощным источником творческого вдохновения. В качестве доказательства сошлюсь на рукописи его воспоминаний.

Профессиональные и человеческие качества Моисея Самойловича, его активная гражданская позиция оказались источником широкого круга замечательных знакомств. При этом квартира М.С. Беленького и его жены Лидии Яковлевны Ландесман-Беленькой была тем, что называлось в русской литературе "открытым домом". В связи с этим перескажу некоторые истории.

В 1930 году в Одессу прибыл на гастроли Московский Малый театр. Для города это было большим культурным событием. Приехали все звезды: А.А. Яблочкина, В.Н. Рыжова, В.В. Массалигина, В.Н. Пашенная, И.А. Рыжов и др. Вскоре многие из них стали обращаться к Моисею Самойловичу как к врачу, первыми — Рыжовы. За время гастролей Моисей Самойлович и Лидия Яковлевна подружился с ними настолько, что москвичи взяли с них слово, что новые одесские друзья навещают их в Москве. Была на приеме у врача и Яблочкина. В один из последних дней гастролей она обратилась к нему: "Мы, я и Рыжовы, сохраним на долгие годы память о вас как о враче, о встречах с вами. Мы не знаем, как благодарить вас. Не разрешите ли вы нам прийти к вам домой и почитать?". Разрешение, разумеется, было дано, и прощальная встреча состоялась.

Беленький с супругой не остались в долгу: через несколько месяцев они навестили Рыжовых в Москве. Вскоре после смерти супруга Варвара Николаевна подарила Моисею Самойловичу подстаканник мужа, на котором были выгравированы его инициалы. Подарок этот хранится в нашей семье.

По злой воле войны с фашистской Германией, в числе эвакуированных в Ташкент оказались многие известные ученые из Москвы и Ленинграда, в том числе — действительные академики и члены-корреспонденты АН СССР. Там и произошло их знакомство с Моисеем Самойловичем. Сначала это было знакомство пациентов с врачом, а затем оно переросло в теплые и, можно даже сказать, товарищеские отношения. А когда Беленький начал готовиться к возвращению в освобожденную от врага Одессу, они обратились к не-

му с благодарственным групповым и, что надо подчеркнуть, сугубо дружеским посланием. Подписано оно людьми, которые навсегда вошли в историю отечественной науки.

В конце лета 1954 года к М.С. Беленькому на дачу пришли два человека и пригласили его в качестве врача к Патриарху всея Руси Алексию Первому, который отдыхал в Одессе на Архиерейской даче в монастыре на 16-й станции Большого Фонтана. На следующий день за врачом приехали в большой шикарной машине иностранной марки (как позже стало известно, машина была подарена Патриарху канадским Митрополитом). Первым человеком, встретившим врача, был Одесский архиепископ Никон, проводивший гостя не то к кабинету, не то к приемной Патриарха. Когда туда открылась двухстворчатая дверь, за ней стоял Патриарх. На гостя приветливо смотрели живые, умные и красивые глаза. Патриарх дружески протянул обе руки со словами: "Здравствуйте, Моисей Самуилович, я много хорошего слышал о Вас в Москве. У меня вся надежда на Вас". Вначале беседа шла на медицинские темы, но потом перешла и на другие. Видно было, что собеседникам интересно и они получают от разговоров удовольствие. После этого случая Моисей Самойлович поехал Патриарху в течение трех лет. Кроме того, они обменивались письмами. (Письма Патриарха сохранены в домашнем архиве.) Однажды Его Святейшество пригласил Беленького в Москву. Патриарх очень гостеприимно принял Моисея Самойловича у себя, в Патриарших покоях на Арбате. И очень приглашал к себе в гости в Троице-Сергиеву лавру.

Вспоминая об этом знакомстве, Моисей Самойлович говорил, что Патриарх был интересным и высококультурным человеком, что он свободно говорил по-французски и по-немецки и что, по-видимому, у него было немало друзей из нерелигиозного мира.

Почти три десятилетия, то есть вплоть до дня смерти М.С. Беленького, судьба подарила мне счастье ежедневного общения с ним. Поэтому смею утверждать, что круг его почитателей и знакомых разной степени близости был колоссален. То, что сказано выше, — это только примеры, хотя и достаточно показательные.

В летнее время Моисей Самойлович жил с семьей на даче, расположенной на Французском бульваре. Там очень часто раздавался скрип входной калитки, редкий день проходил без гостей. Это были и одеситы, и приезжие из самых разных городов и областей. Его дом был открыт не только летом, но и зимой.

Пора коснуться сугубо научной деятельности М.С. Беленького. Им опубликовано более 160 научных работ, в том числе 7 монографий. Основные посвящены теории и практике грязелечения. Его исследования по обоснованию различных методов грязелечения получили широкую известность и по настоящее время сохраняют свое научное и практическое значение. Он был автором многих оригинальных методик осуществления грязевых процедур. Другой областью научных интересов ученого были вопросы курортного лечения болезней суставов: артроза и ревматоидного артрита. Его исследования в этой области имеют широкую известность. Среди трудов Моисея Самойловича немало работ, посвященных организации курортного дела и истории курортов.

10 ноября 1982 года М.С. Беленький работал в библиотеке Института курортологии и там же выступал с докладом. Вечер того же дня прошел спокойно. Были гости — коллеги. После вечернего чаепития, просмотра телевизионной передачи и чтения газет вся семья погрузилась в сон. Когда утром следующего дня я проснулся, в спальне родителей было тихо спокойно. Примерно через час после этого я приехал на работу. Вскоре на моем столе зазвонил телефон: — Приезжай немедленно, папе очень плохо, — произнесла моя жена и бросила трубку.

Ее голос говорил мне больше, чем слова... Вся семья была потрясена случившимся несчастьем. М.С. Беленький скончался на 91-м году жизни. Так из жизни ушел человек широких интеллектуальных возможностей и носитель высокого человеческого достоинства.